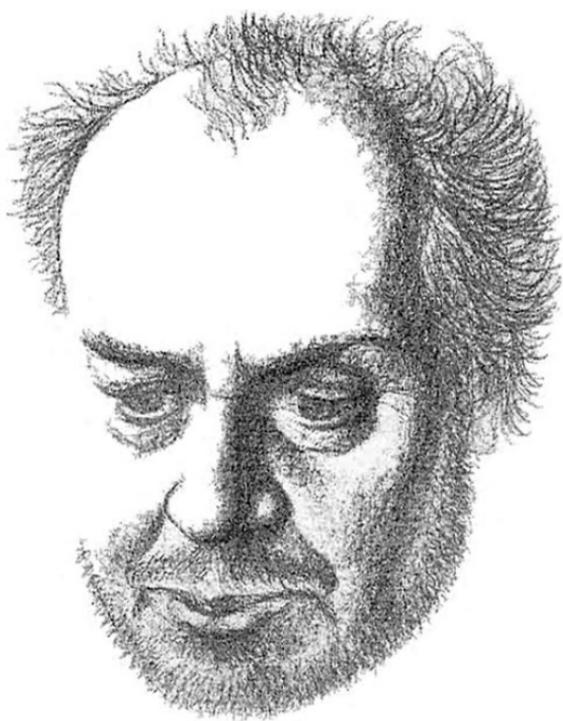

Юрий
Колкер

Юрий Колкер КЛИНОПИСЬ

КЛИНОПИСЬ

*Портрет Юрия Колкера
работы Валерия Мишина*

ЮРИЙ КОЛКЕР

КЛИНОТИСЬ

Санкт-Петербург
РИО «СПб ГИПТ»
2006

ББК 84.Р7

К 60

Колкер Ю. И.

К 60 Клинопись. — СПб.: РИО «СПб ГИПТ», 2006. — 120 с.

ISBN 5-89319-100-5

В новую книгу известного поэта включены стихи 1999–2006 годов. Почти все они публиковались в журналах («Звезда», «Новый мир», «Крещатик» и др.) и на сетевых сайтах в России и за рубежом.

© Колкер Ю. И., 2006

ISBN 5-89319-100-5

© Мишин В. А., портрет, 2006

Подписано в печать 16.10.06. Формат 60x84^{1/16}. Объем 7,5 п. л. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ 142.

РИО «СПб ГИПТ»

199004, Санкт-Петербург, В. О., 5-я линия, д. 28.

Отпечатано в типографии «СПб ГИПТ»

199004, Санкт-Петербург, В. О., 5-я линия, д. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	5
------------------	---

КЛИНОПИСЬ

(1999–2005)

«В черный шелк азиатской ночи...»	11
«Я выкуплю тебя из рабства, Эпиктет!..»	13
Клинопись	14
«Доблесть глупа, а ее антиподы умны...»	16
«Ты останешься в одной из ниш...»	17
«Биологическая жизнь завершена...»	18
Письмо	19
Прощанье	20
«Деревья форм своих не сознают...»	21
«Художник тклет Психее тончайшие одежды...»	23
«Кольцо, за ним крыльцо. Не шелест крыл ...»	24
«Теперь-то я знаю. Не вычитал, сам догадался...»	25
Памяти Клода Шеннона	26
Арлекинада	27
Камасутра	28
Гектор бежит	29
Развратник	30
Митридат	31
Мемуарист	32
Пушкин: Предсмертные сны	33
In culpaе veritas	34
«Счастливые души музыки не хотят...»	35
«Падучая звезда над городом висит...»	36
«Ты, как никто на земле, ненавидишь ложь...»	37

«Вдовицу хоронят в белом. Она была...»	38
«Марк Аврелий соврал, полуправду сказал: и другую...»	39
«Холодно, милая. Выдался месяц холодный...»	40
«У Александра был погонщик мулов...»	41
«Всё оделось листвой в одночасье...»	43
«Слегка сиреневой становится тропа...»	44
«В десяти шагах от Смольного...»	45
«Опыт нсобратим...»	46
«Еще и не дубы они – два брата...»	47
«Почудилось... Да, почудилось – и прошло...»	48
«Погода портится. Над Оксфорд-стрит...»	49
Старому приятелю	50
«Мне для выпивки не нужен повод...»	51
«Обрадоваться смерти человека ...»	52
«Ты циник. – Нет, не до конца...»	53
«Ты ни разу безоглядно не любил...»	54
«Архитектура унылая, но экономная...»	55
«Что не о смерти, то мимо. О чем говорим?...»	56
«Служа возлюбленной, он предал мать...»	57
«Любовь и честь тебя влекут и радуют...»	58
«Подлость и подлинность рядом стоят в словаре...»	59
«Когда всё живое...»	60
«Что я люблю в тебе? Я всё в тебе люблю. ...»	61
«Животворные сумерки любит звезда. ...»	62
«На реке Ориноко. ...»	63
«А есть и такие, что веруют во Христа. ...»	64
«Бог не играет в кости, говоришь? .»	65
«Вот, помню, жил один – и родину воспел. ...»	66
Затмение	67
Возраст мечты (со слов юной наперсницы)	68
Six degrees of separation	69
«Вот будущее. Мы в него пришли...»	70
Белое и красное	71
«Сидит под Александровой колонной...»	72
«Его, Филемон, ни с кем делить не возможно!...»	73
«Соседка бродит в переулке...»	74
«Работает, не покладая рук...»	75

«Лаской прохладной живит...»	76
«Сосредоточимся на несомненном...»	77
«Любить эту долю, которая снилась тебе...»	78

СТАРО-НОВЫЙ ДИВАН

(1966–2006)

Студенческая	81
«Когда уходит та, кого любил...»	82
«Ты улыбаешься не мне...»	83
«Видно, что ветреный день. Шарфик и воротник...»	85
«Сирокко, мистраль, урикан, суховей...»	86
«Держать в объятьях одну, а любить другую ...»	87
«Вживаюсь в новый облик твой...»	88
Осень	89
«Время с цепи сорвалось...»	90
«Меня провожает мама...»	91
«Мои американские друзья...»	92
«Я вспоминаю иногда...»	93
«Милая, сине-зеленый...»	94
«Я свободен, свободен...»	95
«Как Максвелла демон, калитку...»	97
«Галс невыгодный выбран: крутой бейдевинд...»	98
У музея Дзержинского	99
«Не учи меня жить, я и сам не умею...»	100
«Много жизней прозаику нужно прожить...»	101
«Освобождался от страстей...»	102
Перед концом	103
«Народ поумнеет, поймет...»	104
«Тем начат век серебряный, а этим. . .»	105
«Не любовницы девичий пыл...»	106
«Харита строгая нашептывает мне...»	107
Коммунистическая площадка	108
«На языке эфталитов...»	109
Эпитафия	110
«Есть неосуществимая мечта...»	111

«Влюбленные играют в поддавки...»	112
«Умер Саша Незлобин, мне говорят...»	113
Мудрый Няль	114
«Обожгу горшок, напишу стишок...»	115
«Вот Гамлет. Он уцелел и стал королем...»	116
«Нарисуй для меня скворца...»	117
Фарисей	118
«Вдумчивый ребенок книгу прочтет...»	119
Другие книги Юрия Колкера	120

КЛИНОПИСЬ
(1999–2005)

В ночь на 6 сентября 2006 года в Германии умерла поэтесса Ольга Бешенковская. Мы не дружили, только приятельствовали, виделись считанное число раз, стихи понимали настолько неодинаково, что даже не спорили о них, – а вместе с тем я чувствую, что мир без нее для меня померк. Бывает такое между людьми одного литературного поколения: они и не близки, а нужны друг другу. Сейчас мне кажется, что всю мою жизнь Ольга была рядом: и в 1960-е в литературном кружке при дворце пионеров (где мы, почти ровесники, не познакомились), и в 1970-е – в поэтических семинарах Ленинграда, и в 1980-е – и в литературном полуподпольи, в кочегарках.

За месяц до смерти, 7 августа, она позвонила мне. Повод бы пустяшный: где-то нечаянно попали в печать ее слова о моих стихах, по ошибке редактора предпосланные не стихам, а критике на мою статью о Высоцком. «Я хочу, чтоб ты знал... и не обижался, когда меня не будет...» Причина звонка была в другом: после года раздумий Ольга решила сказать мне, что мои последние стихи оставляют ее холодной.

Вот этот ее прощальный отзыв я и выставляю в качестве предисловия к *Клинописи*. Никого из собратьев по перу я не пускал в свои прежние книги, ничьих предисловий не хотел, отклонял предложения, которые иной считал бы лестными, но отзыв Ольги хочу удержать и связать с этими стихами, из которых она прочла больше половины. Я в долгу перед нею. Тридцать с лишним лет я повторяю ее строку: «В природе меньше форм, чем кажется порой...».

5 октября 2006,
Лондон

* * *

Ils aiment jouer avec des couteaux.

В черный шелк азиатской ночи
Отправляюсь с ножом в руке.
Чем восточнее, тем жесточе.
Нет случайных рифм в языке.

Ночь разбуженная, былая,
Хочет будущего хлебнуть.
От Роксаны до Хубилая
Матереем сабельный путь.

Полня ненавистью аорты,
Скачут взмыленные года.
Орды гонят на запад орды,
Орды едут на города.

Наплодив сыновей в избытке,
Удальцов с головы до пят,
Катят бешенные кибитки,
Двести тысяч осей скрипят.

Гунны, гузы, авары, тюрки,
Чтобы бы волю свою спасти,
С лютой смертью играют в жмурки,
Развосточиваясь в пути.

Табунами даль покрывая,
Предъявляют свои права
Азиатская сталь кривая,
Азиатская тетива.

Ханы, беки и багатуры.
Угры, вскормленные с копья.

Оногуры и кутригуры.
Эфталиты. Полынь-дарья.

Я без лезвия не узнаю,
Где теперь кочевье мое,
Чьей рукой Темучин к Дунаю
Тянет Азии острие.

2005

* * *

– Я выкуплю тебя из рабства, Эпиктет!
– Согласья моего, прости, на это нет.
Не знаю даже, что ты рабством называешь.
– Помилуй! Ты весь день в работах изнываешь!
То чистишь ты горшок, то по воду бежишь,
Неоклу ты, мудрец, как мул, принадлежишь.
Тобою, погляди, и конюх помыкает!
– Какой же чепухе твой разум потакает!
Свободы в мире нет. Всяк чем-нибудь да слаб,
Желаньями томим и в этом смысле раб.
Возьми хоть кесаря. Он раб молвы и лести,
Он властолюбья раб. Не вижу в этом чести.
Я вольности другой меж смертными ищущу:
Собой, одним собой повелевать хочу.
Я скромную вкушать предпочитаю пищу
И с радостью горшок за конюхом почищу,
Покуда люд честной ко мне не пристаёт
И мыслей сладостных не нарушает ход.
Я полон до краев. Ни теорем, ни песен
Мой разум не лишить, а телу труд полезен
Да сверх того душе блаженный ритм дарит:
Земное трудится, небесное – парит.
Размеренность волны необходима чувству.
Не в ритме ль к счастью ключ, и к воле,
и к искусству?
А выкупишь меня, юнец с горячим лбом, –
И стану праздности и похоти рабом.

2005

VI

Что? Четырех, говоришь, в мире друзей не сыщем,
Знай мы, как нас честят милые за глаза?
Полно! Каких четырех! Ты не сыщешь и пары.
Там же, где нет двоих, нету ни одного.

VII

Я не ослышался, нет? Ты живешь, ты страдаешь,
Радуешься и грустишь, – всё, чтоб стихи сочинять?
Бывший вожатый, прощай! Как дружить с гедонистом?
Цель твоя мне смешна, мир твой узок и чужд.

VIII

Чернь легко отличишь. Ей, боящейся света,
Довод, ясный, как день, – что волкам головня.
Вы, властители дум, льстили тьме! Пожинаем
Весть благою свинца, дыбы и топора.

IX

Смерть – особенный труд, но зато и последний.
Голову нужно поднять и улыбнуться врагу.
Ты, Леонидас, и ты, Бьярни, дайте мне руку!
Сына нет у меня. Нет у меня земли.

X

Отняли хлеб и кров, выворотили душу,
Выкололи глаза, вырезали язык.
Путник, пойд и скажи гражданам Ленинграда:
Здесь, под кельтской плитой, я обиду забыл.

* * *

Доблесть глупа, а ее антиподы умны.
Так уж устроена жизнь, что душа глуповата.
Даром бедняжку смущают вчерашние сны.
Схлынула честь. Аполлон отлучился куда-то.

Ценность – текучая штука. Поток Гераклит
Плещет и жалкие наши дела оmyвает.
Тешься собою-любимым, пока не болит.
Солнечных стрел не удержишь. Чудес не бывает.

Даже и Рим преходящ оказался. Латынь
Напрочь смело половодьем корявых наречий.
Что ж ты, дурак, донкихотствуешь? Поздно. Остынь.
Выгоды ищут Шопены страды человечьей.

У остроумца находчивость бьёт через край.
Горлица ноева плачет в сетях птицелова.
Здравствуй, сметливое племя младое! Прощай,
Глупая доблесть, старинное честное слово.

2001

* * *

Ты останешься в одной из ниш
Ночи, гипнотическая ложь,
Истины моей не потеснишь,
Власти надо мною не возьмешь.

Ты останешься на дне морском,
Где звездой теплится Земля
И библейский ящер над песком
Ходит, плавниками шевеля.

Челюсти свои не разевай,
Ужасом проникнутая тишь,
Истиной себя не называй,
Не сожрешь меня, не обольстишь!

2005

* * *

Памяти А. А. Костиной

Биологическая жизнь завершена.
Скажи, куда теперь отправилась она,
Старуха властная, что дочь твою растила,
И не прибавилось ли на небе светила?

Немногих я любил сильнее, чем ее.
Чудовищный вертеп, советское жильё
Своим присутствием она согреть умела –
И вот преставилась, умолкла, отлетела.

Слова оставили ее в предсмертный час.
Кивала нам, звала, не отрывала глаз,
Худая, страшная, всё вглядывалась в лица,
Последним ужасом пытаюсь поделиться.

Не знаю, отчего всё валится из рук.
Не мать, казалось бы, не самый близкий друг,
Не часто, помнится, мы с ней и говорили –
А горько, будто вдруг в чулане затворили.

Проста была, строга. Наук не превзошла.
Носки вязала мне. Ватрушки нам пекла.
Любила, редкостная, зятя-белоручку,
Стирала, штопала – и вырастила внучку.

Над речкой Плюсою чухонский есть лесок
С поляной ягодной. По ней, наискосок,
Гляжу, идут вдвоем, нагнутся то и дело,
И старшая чудесно так помолодела.

ПИСЬМО

Как ты, Мария? По-прежнему ль смерть ненавидишь
Или она научила себя полюбить?
Что с языком? Пригодился арабский иль идиш?
Нужно ль Икбала и Галкина переводить?

Главное: что ностальгия? На родину – тянет?
Смерть ведь сродни эмиграции, только страшней.
Всё ли отъезды друзей, как предательства, ранят?
Как там с Россией? Хоть кто-нибудь слышал о ней?

Милая невозвращенка! Что жизнь – неудача, –
Старая новость. Кому же она удалась?
Веймарцу разве... А нас прочитают, не плача,
Каждый в себе, над собою наплакавшись всласть.

2000

ПРОЩАНИЕ

Из любого билета счастливый он сделать умел,
В интегралах насвистывал, словно ходил по канату,
Был в студенчестве робок и тих, только разумом смел,
Докторскую шутя защитил и уехал в Канаду.

Что с ним дальше случилось, не знаю. Подруга одна,
Говоря о другом, мимоходом напомнила имя.
Я увидел Онтарио. Влаги сплошная стена
Поднялась за окном, с валким сейнером
в дымке предзимья.

Нехитро и домыслить: женился, детей народил
Даровитых и вдумчивых, склонных к успеху и славе,
Стал профессором по теплотехнике, коттедж купил
В Монреале приветливым, в гостеприимной Оттаве.

А кому помешала в пути беспредметная грусть,
Клены в Политехническом да ленинградские реки,
Те по-своему счастливы. (Имя канадца, стыжусь,
Ускользнуло из памяти вновь, и теперь уж навеки.)

Есть китайцы меж тех, кто от Пушкина род свой
ведет —
Не занятно ли? Есть аргентинцы, британцы, армяне.
Генофонд растекается вширь. Человеческий род
Всходит мерно, как сдоба, и тает в озерном тумане.

* * *

Деревья форм своих не сознают,
Пространства свойств, незрячие, не знают,
Не видят, как хорош ажурный лист,
В прожилках, ими вызванный из мрака
Земли... И мрак невнятен им, а свет
Они воспринимают осязаньем,
Как ласку божества, его улыбку,
Но – внепространственную, как они.

Вот клен шумит под ветром, свеж и влажен.
Спроси его о месте, где он вырос,
И он ответит шорохом листвы
Недоуменно-мудрым: я – нигде.

Душа в геометрическую точку
Не так же ли вмещается? – но мощно
Фрактальные развертывает формы
В пространстве смежном, разуму незримом...

Взгляни: вот мысль, согретая любовью,
Благоуханный, трепетный цветок,
Перед которым роза – праздник плоти...
Но куда взглянуть. Опущен полог.
Душа и знает, что она жива,
А форм своих почувствовать не может,
И если спросишь: велика ли ты? –
Ответит горделиво: необъятна.

Но дух
И сам незряч. Уж он-то всякой формы
Лишен в пространстве бесконечномерном.
Ни гауссовым колоколом вечным
В саду алгебраическом, ни кварком,
С которым наши мудрецы на ты,

Не связан, – потому и наслажденья
Не ведает – ни горечи, ни злобы,
Ни аромата нежного цветка,
Ни малодушья, ни великодушья...

2000

* * *

Художник тклет Психее тончайшие одежды,
Внушая человеку восторги и надежды.
Ученый с тайн природы срывает покрывало,
О бедном человеке не думая нимало.
Художник облачает, ученый обнажает,
А трепетный ценитель обоих ублажает.

2001

* * *

Кольцо, за ним крыльцо. Не шелест крыл –
Руке опора прочная перил.
На воздух можно тело положить.
Спины не разгибая, можно жить.
Земля и небо в родственной борьбе
Разыгрывают действие о тебе.
Рачителен дряхлеющий полет.
Скупец из чаши капли не прольет.

2001

* * *

Для чего, человечество,
Твой неистовый рост?
1960

Теперь-то я знаю. Не вычитал, сам догадался.
Без штудий Тейяра нехитрую мудрость постиг.
Недаром, недаром я в этой пустыне скитался.
Не нужно наставников мне, провожатых и книг.

Не хочет, не может сосна оставаться сосною.
Сосне обоняние грезится, зренье и слух.
Она их в потомстве предчувствует ранней весной,
Изводится дивным родством, осеняющем двух.

И ты, человек, – только новому виду подножье.
Пространство тебя, не заметив, проглотит живьем.
Лишь Бог, хоть и нет его больше, – подобие божье,
Собой упоенное в страшном развитии своем.

2000

ПАМЯТИ КЛОДА ШЕННОНА

Мог ли я думать, что в Лондоне весть эту встречу?
Значит, мальчишкой ты дивный твой замок воздвиг!
Юноша-воин, прости! Запоздалою речью
Славит тебя никудышный седой ученик.

В лучшие дни энтропийным твоим логарифмом
Я осенялся. Прощай, чародей-нелюдим!
Много твой гений способствовал варварским рифмам
В дальнем краю, где особенно был ты любим.

Старому свету нести его старую ношу.
Здесь атмосфера густа, кладовая полна.
Я потому уж в Америку камня не брошу,
Что пред тобой распахнула пространства она.

Формула – вот панацея! В ней мысль оседает,
Звездное небо вмещает она и алмаз.
Мы без нее полузвери. Живое страдает.
Лишь совершенство врачует и пестует нас.

Сосны у главного корпуса, горечь и влагу
Первой любви, безнадежность, надежды оплот,
Муку, отчаянье, боль, вдохновенье, отвагу, –
Всё, умерев, ты на миг возвращаешь мне, Клод.

Гёделя вспомнят иные, иные – Эйнштейна.
Кланяюсь в пояс, да тут мне стоять не с руки.
Как оглашенный, я Шенноном благоговейно
Полон пребуду, обеим смертям вопреки.

АРЛЕКИНАДА

Любая, почти что любая
Годится, чтоб скрасить досуг.
Не мешкай, чудак! Погибая,
Звезда улыбается вдруг.

Неси свою ношу, не плача,
Подмигивай небу хитро.
Тебя осеняет удача,
Счастливый соперник Пьеро.

Любая... Но та, что любила
И та, что любима была,
Полмира собой заслонила,
В полнеба над миром взошла.

Покуда живу, не покину
Вериг ремесла моего.
Даётся мечта арлекину
В насмешку над платьем его.

2001

КАМАСУТРА

Третий этап – накопленье. А деньги ли копишь,
Марки, значки, наблюденья – не так уж и важно.
Главное, чтоб разрастался живой капитал,
День ото дня горизонты твои раздвигая.
Не прибывает в дому, так и жизнь не мила,
Если ж сундук тяжелеет – тут пир оболъщеньям.
Тут уж ты Крёз, и другие тебе не указ.
Сядь же рядком сам с собою, стяжатель надежды,
И подсчитай дивиденды, а слезы утри.

Что же до первых этапов, они – мимолетны.
То, что любовью мы звали, горячке сродни,
Детской болезни: отмучился раз – и проходит.
Да и познание – ловушка: себя-то познать
Не удастся. Душа посложнее, чем атом.
Ньютон и Лейбниц, Декарт и Спиноза, Эйнштейн –
Многим ли дальше продвинулись? Вряд ли. А тот –
Помнишь? – кто в старости Бога узнал
по страданиям,
Мыслил Отца в нем найти, а нашел – палача...

ГЕКТОР БЕЖИТ

Он не сильнее меня, не выше ростом,
И Андромаха – не ему жена.
Отвагою доселе никому
Не уступал я. Отчего ж бегу?
Удачей и судьбой его сподобил
Олимп. Он быстр и ловок, словно бог.
Всегда на долю малую мгновенья
Любого в схватке он опережает –
Тем и берет, герой, тем и хорош.
И вот бегу! Дрожат мои колени.
Холодный пот по шее, по спине
Ползет. Как жалок я, должно быть,
Для тех, кто смотрит со стены... для той,
Единственной... Не смерти я боюсь!
Все смертны, все сойдем под сень Аида,
И во сто крат почетней смерть в бою,
Чем от хандры... Я весь исполосован
Рубцами, я боец, я боль умел
Переносить, я славою увенчан.
Мой род не пресечется. Сыновей
Оставил я. Вовеки род Приама
Пребудет. Твердо, властно Илион
Стопой обутой станет на морях.
Но я-то, я... Сейчас меня убьют.
Откуда этот приступ малодушья?
Не зачеркну ли разом всё, чем жил?
Не отвернется ль и она с презреньем
И – на него не обратит ли взор?
Как долго длится бег! Десятилетия,
Мне кажется, прошли, а всё воздетый
Конец копья – там, за моей спиной,
И похотью горят его глаза,
И торжеством – недолгим, долгим, вечным...

РАЗВРАТНИК

Лишь одним он был смущен и угнетен:
В каждой женщине подругу видел он.

Не довольствовался малым. Как тут быть?
Все и каждая должны его любить!

Сам же был он что бряцающий кимвал.
Волком был, а уду воли не давал.

Думал: если кто на ласки скуповат,
Перед небом тот ни в чем не виноват.

Был он совестлив и мягок на беду.
Так и умер, с целым миром не в ладу.

А душа его, хоть скальп с нее сними,
В муках нежности блуждает меж людьми.

1981–2005

МИТРИДАТ

Что ж, время умирать! Пришел и мой черед.
Живьем – царя к рукам квирит не приберет,
И под сыновний меч склонять мне шею дико.
Я в жизни властвовал – и в смерти я владыка!
Не скажут: Митридат, как новый Ганнибал,
Победу упустив, судьбы своей бежал.
Чтоб славы до конца душа моя вкусила,
Я сам остановлю небесные светила.

Всем радостям земным по-царски я воздал,
Мальчишкой Цезарем – как Хлоей обладал.
Красноречив посол и нрав имеет пылкий,
До консула дойдет, а мне служил подстилкой.

Я меж мужами муж! О, тут иная власть!
Не диадемою внушал я девам страсть.
Царевны гордые от счастья умирали,
Когда я в них входил. За плен в моем серале,
За ласку божества, за муки сладкой стон
Несли к моим ногам Пальмиру, Вавилон.
Всех лучших нет давно. Оставленная мною
Ни женщиною быть не может, ни женою.
В тоске сошли в Аид... Но кое-кто живет!
Зови, мой верный Галл, сюда остатний сброд.
Посмотрим, кто из них за жизнь цепляться станет.
Не каждая ль клялась? Пусть неба не обманет!
Признанья вечные нашептывавших мне
Ни сыну не отдам, ни римской солдатне.

Когда тебя нагнал соперник черепахи,
Ты от других рожать позволил Андромахе,
Гелен, Неоптолем прошли твоим путем,
Любимый Трой муж! Твой промах мы учтем.
Вот яд, а вот кинжал. Сейчас венец наденем –
И ужаснем века последним наслажденьем.

МЕМОУАРИСТ

Идиотской сумятице дань заплачу.
Убеждать – надоело.
Не тебе, не тебе эту новость шепчу,
Не твое это дело!

Различай, если можешь, Эдем и Содом
И дурдом в одалисках.
Идиот, как под спудом, живет под стыдом
За себя и за близких.

Стенограмма, эклектика, чертополох,
Чепуха, что угодно –
Но коварная мелочь и давний подвох
Расцветают свободно.

Чехарда. Антраша. За душой – ни гроша.
Щелкопер безымянный.
Завтра в землю. А что удержала душа?
Волейбол на Стремянной!

Погордился – и будет. На дне – только стыд,
Только стыд и мученья.
Даже счастье без перечня детских обид –
Не мое приключенье.

2005

ПУШКИН: ПРЕДСМЕРТНЫЕ СНЫ**1**

Один из нас бессмертен для другого.
Сейчас умру – и вечность напролет
Враг, воплощением всего живого,
Всё будет жить и метить мне в живот.

2

За миг до смерти гений видит сон:
Любимую с другим в сени алькова.
Развеществовались разом твердь и слово,
И мертвым сердцем Бога проклял он.

2005

IN CULPAE VERITAS

Гречанка ветреная так вольна,
Так чувственна, так девственно крылата,
Что никогда ни в чем не виновата
И никому на свете не должна.

Там лён и бронза в неге пребывают,
Лазурь и мрамор, ландыш и виссон,
Там раковину с жемчугом вскрывает
Нечаянный пернатый почтальон.

Сегодняшняя, в ионийской пене
Обласканная лепестком зари, –
При ней о преступленьи, об измене,
О ноше тягостной – не говори.

Ей не нужны ни родина, ни вера,
Ни перси шамаханские. Как мне.
Но я-то знаю: истина – *в вине*.
Что эти игрища для Агасфера?

2000–2005

* * *

Счастливые души музыки не хотят,
Собою полнятся, веселы и горды,
А ты, раздавленный, плачущим струнам рад,
Родной находишь в них отзвук твоей беды.

Не знает скрипка, мал ты или велик,
А знает главное: боль твоя велика,
И возвращает лаванду и сердолик
И плеск волны доносит издалека.

Заплачут клавиши – и распахнется даль,
И позовет участливо виолончель.
Не этим ли жил сиротствовавший Стендаль,
Покуда Вивальди животворил апрель?

Смотри: на глазах меняются облака,
Как если бы гнев на милость сменили там,
Где завтрашний день твой емлют из тайника, –
И злое прошлое не идет по пятам,

И юность, тобою попранная, светла,
И веришь: тебя отвергнувший – возвратил
Надежную сень отеческого крыла,
Тепло материнское, сестринский блеск светил.

* * *

Падучая звезда над городом висит,
Над жизнью и судьбой, над миром и войною.
Ее тончайший зов в душе моей сквозит.
Что ей на ум взбредет, то и творит со мною.

Весь мир сошел с ума, а я лишь ею жив.
Повсюду страшный клич, войска пришли в движенье,
А я твержу одно: ее полет красив,
Благословляю боль и жизни завершенье.

Не в первый раз она явилась, не впервой
Последней правдой мне сознание озарила,
Что ж упиваюсь я печалью вековой
И вестью гибельной минутного светила?

Одно не сказано, но я теперь скажу:
Падучая звезда звездой остается.
В слепом беспамятстве ее полет слежу.
Кто с нею не в родстве, водою не напьется.

2001

* * *

– Ты, как никто на земле, ненавидишь ложь –
Но, не слукавив, года не проживешь.
Ты не увидишь плодов твоего труда.
– Но объясни мне, чего же ради тогда?..
– С юности ты лелеял одну мечту,
Честно служил ей, да ставку сделал не ту.
Не от болезни умрешь ты, а от стыда.
– Что же, по совести, весь этот мир тогда?
– Совесть твоя черна. О ней помолчи.
Рушится башня. В колодец выбрось ключи.
Считанные тебе остаются дни.
Что же ты медлишь? Теперь меня прокляни.
– И не надейся! Слишком я счастлив был,
Не одного себя на земле любил,
Горло в схватке умел подставить врагу
И до могилы главное сберегу.
Нет тебе проку в том, что я нищ и мал.
Вызова ты от веку не принимал,
Но не тобою, знай, растворен в крови
Пыл тебе недоступной земной любви.

* * *

Вдовицу хоронят в белом. Она была
Чиста, как ангел небесный. Белым-бела.
Служила избраннику верно, самозабвенно,
И жизнь сложилась, в общем, обыкновенно.
Он был инженер, отменный специалист
И шахматист-любитель, и футболист.
От прежней любви у него уже были внуки,
Когда с новой суженой соединил он руки.
Не первой молодости была и она.
До свадьбы грешила, ему же была верна.
Как два голубка, они прожили век свой милый
И вот уж теперь навсегда сведены могилой.
А может, было иначе. Поди проверь!
Вполне ведь не приручается лютый зверь,
Чудовищный зов, ломающий стыд и волю,
И нету ключа к человеческому подполью.

2002

* * *

Марк Аврелий соврал, полуправду сказал: и другую
Жизнь испортить навеки возможно, не только свою.
Много ль проку, что долгие годы стыжусь и тоскую,
И в других ненароком свой тягостный пыл узнаю?

Отвратительна молодость: изыски всё да помарки.
Я не знал, ты не знала, а жизнь совершалась всерьез.
Вот и ставит нам совесть примочки свои да припарки,
Утешает, лелеет. А поезд летит под откос.

2001

* * *

Холодно, милая. Выдался месяц холодный.
Нужно прощаться навеки с мечтою бесплодной.
Сколько в ней было веселья, тепла, красоты...
Жаль, обманула. Другой не бывает мечты.

Пасмурно. Голые ветви да ветер колючий.
Царствует целую жизнь отменяющий случай.
Отсвет таинственный в небе возник и погас.
Птица вспорхнула. Поверишь ли? Не было нас.

2002

* * *

У Александра был погонщик мулов
Из прикавказских глиняных аулов.
Был в Индии последний мул забит,
А бедный малый умер и забыт
Под всхлипы исторический качелей.
Не воскресит его и Марк Аврелий,
Пытающийся страх заговорить
И душу с неизбежным примирить...
Свалила хворь. Солдаты не болеют,
А в слугах всякая зараза тлеет.

Кто не заносится, тем бог воздаст.
В душе раба дремал Екклесиаст.
В обычаях скорее груб, чем нежен,
А духом – олимпийски безмятежен,
Он твердо знал: всему один конец,
И царский не манил его венец.

Вот он лежит в пыли, еще в сознаньи,
И видит при последнем издыханьи
Не жаркий полдень, не следы копыт,
А мир как целое, где смерть кипит.
Прозревший разум занят не печалью,
А жуткой галактической спиралью,
Котлом времен, в котором все равны,
И нет ни благодати, ни вины.
Он чует, духом взысканный философ,
Что мировых не разрешить вопросов,
Хоть триста лет на свете проживи.
И про любовь он знает: нет любви.

Виденьем диким смерть его прельщает.
В пророческом безумстве различает
Он будущее, видит наши дни:

Париж, его вечерние огни,
Москву без Ленина, Нью-Йорк без башен,
И этот сон его предсмертный страшен,
Но ясен мудрости вкусивший ум
И удивительных исполнен дум.

Одушевляемый кончиной близкой,
Он видит: перед ним Франциск Ассизский
В слезах. Но смерть бедняге не сестра,
А просто дело сделано, пора.
Другие тоже тут, и с той же целью,
Всё – в ужасе перед могильной щелью,
Которая рабу мила. Раним,
Принц Гамлет наклоняется над ним,
Андрей Болконский смотрит с умилением,
И с тайной завистью – Паскаль с Монтенем...

Душа не хочет будущего. Нет
Тепла в слепом стечении планет.
Не о любви ли снова мы?.. О власти,
О совести, о дерзости, о страсти?
О том, что жизнь пуста и коротка
И тяжела Предвечного рука?
Что был незначительный гениален –
И оттого его конец печален?
Что божий мир жесток, несправедлив,
И мы умрем, мечты не утолив?

Забыл. Прости. Я только что с поминок,
Где прах убогий отпустил в суглинок.

* * *

Всё оделось листвою в одночасье.
Меж забот не заметили мы,
Как земля погружается в счастье,
Как нахлынула зелень из тьмы.

Ласк живое взалкало и красок,
Наступает любовь, как война.
И ребенком, как бедный подпасок,
Мысль в сторонке стоит, невидна.

Может, дудочку срежешь, сиротка?..
Кто задумался, тот сирота.
Оглянись молчаливо и кротко
На прощальные эти места.

Европеец ли ты, левантиец –
Не стыдясь, поклонись естеству,
И услышишь, как бог-олимпиец
Отпускает свою тетиву.

2003

* * *

Слегка сиреновой становится тропа
И, окаймленная ковром желто-зеленым,
Бежит, двоясь, троясь и множась, как судьба,
Под этим пристальным просторным
небосклоном.

Небесный шелкопряд прохладный шелк прядет,
На западе сошлись фламинго и жар-птица,
И путник на тропе забыл, куда бредет,
На поезд опоздал, раздумал торопиться.

Раздвинулся над ним огромный Пантеон,
Хоромы мраморные, жемчуга чертоги,
И телу своему служить раздумал он,
Бредет, куда пришлось, без мысли, без дороги.

А речка, вьющаяся в кружеве кустов,
И след, оставленный велосипедной шиной,
Ему свидетельствуют: путь душе готов,
Лишь не сворачивай да совладай с кручиной.

1982–2005

* * *

В десяти шагах от Смольного
Твой автобус повернет,
И от звона колокольного
Недоверок увильнет.

Колокольни совмещаются:
Не четыре их, а две,
И о вечном совещаются
В средиземной синеве.

Солнце яркое, закатное,
Четко контуры чернит.
Это счастье невозвратное
Душу грешную дразнит.

По долготной сетке глобуса
Разбегаются года.
Что увидел из автобуса,
Не увидишь никогда.

1984–2005

* * *

Опыт необратим.
Он – судьбе побратим.
Эта пара без бою
Разочтется с тобою.

Ни концов, ни начал
Сам ты не намечал.
Оглянись на природу,
Поклонись кукловоду.

2003

* * *

Еще и не дубы они – два брата,
Два всплеска лиственных, рука в руке
Из праха вставших, – но уже токката
Присутствует в их робком языке.

Они друг другу тайны поверяют –
О взрослости мечты и торжестве.
Они во всем друг друга повторяют,
Родня, нерасторжимая в родстве.

Но им вдвоем не жить на этом свете.
Не хватит света. Близость – вот беда.
Один здесь будет Бах через столетье.
Убьет другого братская вражда.

2003

* * *

Почудилось... Да, почудилось – и прошло.
В слезах проснешься, увидишь: не рассвело,
Ты всё еще тут, и мир всё тот же вокруг,
И всей-то боли, что умер старинный друг.
На улице дождь. Бежит по крышам вода.
Ты больше с ним не встретишься никогда,
Ни ссору не воскресишь, ни душевный пыл.
Он, помнится, шляпу и книжку забрать забыл.

Заносит, заносит душу в такую рань.
Из света и воздуха новая ткется ткань,
На терпком прошлом настояна тишина,
Потеря твоя обыденна, жизнь – темна.
Прощения не попросишь ты, умер он,
И друг тобою в ответ не будет прощен.
Вовек не вернешь покойнику давний долг.
И всей-то боли, что голос его умолк.

2004

* * *

Погода портится. Над Оксфорд-стрит
Руно свинцово-синее висит,
И красные автобусы стеной,
Доколь хватает глаз, – и предо мной.
Как ехать тут? Ан вот, глядишь, ползут,
Толпу разноязыкую везут
(убогий человеческий балласт,
Как новый возгласит Екклесиаст).
– Да полноте! Не так уж я убог, –
Языческий нашептывает бог. –
– Взгляни в окно: веселый Вавилон!
Тот жалок мне, кто в Лондон не влюблен.
Езжай себе с улыбкой на лице.
Прекрасна жизнь. Особенно – в конце.

2004

СТАРОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Мы с тобой уже в годах.
Нет нам лютиков и птах.
Мистер Страх и мистер Ужас
Показались в воротах.

Наша память несвежа,
Нашу совесть гложет ржа,
Каменным рукопожатьем
Нас проводит госпожа.

2005

* * *

Мне для выпивки не нужен повод.
Алкоголь слезу перехитрит.
Выхожу один на Финчли-роуд.
Выхожу один на Бейкер-стрит.

Вещь в себе, без мамок и без нянек,
У счастливой бездны на краю,
Вот уж кто заведомый избранник!
Выхожу и флягу достаю.

Небосвод тихонько остывает.
Циферблат приветствует звезду.
Хорошо мне. Лучше не бывает.
Никуда я дальше не пойду.

2004

* * *

Обрадоваться смерти человека –
Что может быть подлей...
Кто ж ты: предатель, нравственный калека,
Убийца и злодей?

Пусть на минуту, на одно мгновенье –
Мелькнуло и прошло,
Но было, было это наважденье
И душу обожгло.

2004

* * *

– Ты циник. – Нет, не до конца.
В себе не вижу подлеца.
Я просто не добрал, как все,
В твоём базарном колесе.
– Так я устроил этот мир.
– Что ж не позвал меня на пир?
Я поначалу был неплох,
А ты готовил мне подвох.
– Пойми: над каждым я смеюсь
И сам в накладе остаюсь.
Вот мой Эдип. Он был умней,
Чем все поэты ваших дней...
– И что же, ты его любил
И вместе с ним раздавлен был?
Ты высмеял его мечты.
Из нас двоих циничней ты!
– Слепец, найти меня не тщишь,
Не посягай ни вглубь, ни ввысь.
Не узришь моего лица,
В себе не зная подлеца.

2004

* * *

- Ты ни разу безоглядно не любил.
- Ну, а скуп-то кто из нас с тобою был?
- Я заслуги отпускаю по уму.
- Только ум твой достается не тому.

2004

* * *

Архитектура унылая, но экономная.
Впрочем, по правде сказать, и не очень противная.
Низко над крышей душа моя реет бездомная,
Тело же тут, и нужда у него примитивная.

Душу мою отлови, ублажи, рассмеши ее
И приголубь, приласкай осторожно и сдержанно.
Жалко убогую: день ото дня всё фальшивее,
Лжет, притворяется, третьему штилю привержена.

2004

* * *

Что не о смерти, то мимо. О чем говорим?
Слава пустее отечества. Горечь и дым.
Вводит потемками юности в чувственный ад
Твой навсегда опрокинутый в прошлое взгляд.

Кто мне шептал: ностальгия страшней евменид,
Клювом классическим клацает, в пропасть манит?
Нету ей места в душе. Только горечь и вздор
Мучат потемками юности схваченный взор.

Нету ей места в душе, не об этом она.
Родина слякотна. Выхухоль да белена.
Смерть на пригорке присела, умыта росой.
Рядом любовь примостилась. И тоже с косой.

2003

* * *

Служа возлюбленной, он предал мать,
Отрекся, отвернулся от родимой,
И стал удел его неотвратимей
Болезненные формы принимать.

Всё поначалу было ничего.
Неладное не сразу проступило.
Гордился, не вникал в природу пыла,
Теснившего сознание его.

Но дальше тягостная тень легла
На все его дела, иссякла вера,
И вот уже душа, а не карьера,
В кривые угодила зеркала.

Единственная... Но дрожит струна.
В крови разлад. Он видит виновато:
Вчера единственная – чужевата,
Жизнь множественна, мать – одна.

Ан поздно... Через три десятка лет
В чухонской роще над ее могилой
Стоит он под руку с предавшей милой
И ни на что не может дать ответ.

2003

* * *

Любовь и честь тебя влекут и радуют,
Сэр Ланцелот, –
И женщина в твои объятия падает,
Как зрелый плод.

Скажи *люблю* – блаженная наладится
Меж вами связь,
Да ворон на плечо твое усядется,
Достойный князь.

Пройдут года. Давно в другую сторону
Глядит она,
А каждый день подкинуть пищу ворону
Душа должна.

2004

* * *

Подлость и подлинность рядом стоят в словаре.
Мы и до Фрейда умели заглядывать в душу.
Ночью безветренной звезды гостят во дворе.
Может, научат. При них не совру и не струшу.

Многоочитая подлинность, как ты страшна!
Бог – это пол, нас учили. Страшна, полноводна.
Звездочка малая у горизонта видна.
Шепчет, потупившись: милый, проси; я свободна.

Жара душевного я у звезды попрошу,
Истины плазменной, ласки мучительной, млечной.
Всё, что сказать не решался, впервые скажу
Из катакомб, из трущоб суеты быстротечной.

2004

* * *

Когда всё живое
В душе опустилось без сил,
На небо ночное
Спокойный я взгляд устремил.

Таинственным светом
Ответила мне глубина.
Обидам и бедам
Предел обещала она.

Звезда мне сказала:
– Приду заповедной тропой,
Сниму покрывало,
Навеки останусь с тобой.

2004

* * *

Что я люблю в тебе? Я всё в тебе люблю.
Здесь места нет критическому взгляду.
Мечту несбывшуюся. Молодость мою.
Мой скорбный труд. Влечение к распаду.

Ты скажешь: эгоизм – вот вся моя любовь.
Но разве есть любовь другая?
Читатель рифмы ждет – и не ошибся: кровь
Снимает все вопросы, дорогая...

2004

* * *

Животворные сумерки любит звезда,
А включили не вовремя свет –
Тут не жди, что обида пройдет без следа,
Раньше твой улетучится след.

Растворятся дворцы твоего торжества,
Бастионы твоих крепостей.
Ты умрешь, но обида пребудет жива,
Расцветет, нарожает детей.

Не поможет беде вороненая сталь
И свинца искупительный свист –
Не отложит смычка камнеточец-мистраль,
Не уймется сверчок-активист.

Вот уж глиною сделался твой генотип,
У потомка – пылинка в горсти,
А заочный смешок, словно атомный гриб,
Над землей продолжает расти.

2005

* * *

На реке Ориноко
Человек одинок.
Цедит воды потока
Обреченный челнок.

Но, представь, и на Каме,
И на Темзе-реке
Одиноки веками
Мы в худом челноке.

Злая шутка природы,
Я креплюсь, не кричу...
А про невские воды
И совсем промолчу.

Тут возмездье вернее,
Тут ты вовсе ничей.
Нету пытки страшнее
Этих белых ночей.

Тут и Бог не услышит,
Лишь пучина манит,
Да предательством дышит
Окаянный гранит.

Молча выйду на стрелку,
Посейдону кивну
И, как подлую сделку,
Эту жизнь прокляну.

* * *

А есть и такие, что веруют во Христа.
Для них иные пропасти – суета.
Христос (говорят они раз в году) воскрес –
И ждут чудес, божественных ждут чудес.
Но мир померк в глазах одного глупца.
Он схвачен тьмою, и нету на нем лица.
Он твердо знает: что было, будет опять,
И повторяет: лучше не быть, не знать.

2005

* * *

Бог не играет в кости, говоришь?
Что ж, выйдем к морю. Берег омывает
Сладчайшею волной, повсюду тишь, –
А в этот миг – кого-то убивают!

Выходит, всеблагой недоглядел?
Избраннику он душу ублажает,
А что его курятник поредел,
Того не видит, не соображает?

Нет, он – из Монте-Карло вертопрах.
Цветаевой не сыщешь на погосте
Заброшенный без реквиема прах.
И Моцарта швырнул в канаву кости.

2005

* * *

Вот, помню, жил один –
и родину воспел.
Он умер и забыт.
– А ты б чего хотел?

– Не знаю... Странные
присущи ей повадки.
Мне кажется, она
играет с нами в прятки.

Картинами того,
что сам накуковал,
Воскресни тот, его
убило б наповал.

2005

ЗАТМЕНЬЕ

– Я в храме Солнца жил, я был твоим жрецом –
И вот лежу во рву с продетым в нос кольцом.
Отец мой, смилуйся! Рассей недоуменье:
Зачем отсек лучи? За что навлек затмение?

– Что я наделала!.. И это – мой Самсон?
Не уступивший льву – бессилён, ослеплён!
Влюблялась часто я, но лишь его любила –
И шуткой роковой навеки погубила!

Не он ли рвал шутя тугую тетиву?
Без ласки милого я дня не проживу!
Сказать ли: мне дитя родное не дороже!
И в унижении люблю его... О боже!

– Что ей мерещилось? Что я непобедим,
И филистимляне рассеются, как дым,
Что я их пощажу и в новой славе выйду,
И мы подружимся, и враг простит обиду?

Пожалуй, волосы мои и отрасли,
Но солнце для меня навек померкло тут.
Не стыд, не слепота меня гнетут и гложут –
Затмения божества душа принять не может.

2003–2005

ВОЗРАСТ МЕЧТЫ (со слов юной наперсницы)

Новые пропасти, новые сферы...
Девочка, мальчик – и шпилька Венеры.
Первая взрослость, блаженный туман,
Пылкие ласки – и легкий обман.

Кто без греха? Горизонт безграничен,
Возраст мечты неизбывно циничен,
Грязь уживается рядом с мечтой,
Бахом, Чюрленисом и высотой.

Истина тройственна как таковая.
Пишут: возможна болезнь бытовая.
Чудно! Спасибо скажу словарю.
Другу спокойно в глаза посмотрю.

Все эгоисты. Природа жестока.
Всё-таки это не сифилис Блока.
Облачко мне не испортит весну.
Запросто милого я обману.

Близости прочной ни с кем не построишь,
Если сладчайших мгновений не скроешь.
Каждый мальчишка – чуть-чуть обормот.
Пусть на себя эту пакость возьмет.

Будет пристыженным, сам повинится –
Ну, и забыли! Другая страница...
Брак не случайно ведь браком зовут:
Оба счастливица обмануты тут.

SIX DEGREES OF SEPARATION

Человеческое море
 поглощает без следа.
Мы друг друга не узнаем,
 не узнаем никогда.

Вот разбитую бутылку
 вынес на берег прибой.
Шесть ступеней разобщенья
 между мною и тобой.

Каждый миг уносит искру
 драгоценного огня.
Каждый день приносит опыт,
 отдаляющий меня.

Лихоимка-Мнемозина
 постучится на ночлег.
Шесть ступеней отчужденья,
 и на каждой – человек.

Шесть напрасных упований,
 невостребованных сил,
Обольщений, упоений, –
 шесть рождений, шесть могил.

Мерно влага убывает,
 прибывает каждый год
Шесть широт размежеванья,
 шесть межующих долгот.

Мы, родные, мы, чужие,
 обворованы судьбой:
Мы с тобой не разлучались,
 мы не встретились с тобой.

* * *

Вот будущее. Мы в него пришли.
Располагайтесь, гости дорогие!
А что наш дом снесло с лица земли,
Так нет и нас тогдашних. Мы другие.

В минувшем – запятой не изменить,
Падежных окончаний не исправить.
Там совесть норовит тебя казнить,
Там и Жан-Жаку не дадут слукавить.

Вот будущее. Наш дворец и храм.
У нас при входе визы не спросили.
В раю не моросит по вечерам,
Тут день стоит во всей красе и силе.

А если что тебе не по нутру,
И с местными не возникает связи,
Утешься мыслью: скоро я умру
И в прошлое отправлюсь, восвоюси.

2005

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

Порхает бабочка, цветет чертополох,
Дубы блаженствуют, и ястребу – раздолье.
Прекрасен Хартфордшир. И твой шесток неплох.
Довольно сетовать. Взгляни на это поле.

Ты в царстве времени, обширном и ничьем.
У этих двух ворон – монашеские лики.
Тень ослика плывет над высохшим ручьем
И тает в зарослях клыкастой ежевики.

На этом бугорке ты небо искушал,
И был тебе ответ пифийский, из лукавых:
– Сэм Пипс, – услышал ты, – здесь рысью проезжал
На воды Барнета, деревни роз кровавых...

В камзоле вышитом, при шпаге, в парике,
В парижских башмаках, лионских панталонах,
– Целебны тут ключи! – он пишет в дневнике,
И не простым письмом, а в символах мудреных.

Сей пастырь кораблей, трудяга-жизнелюб,
В глаза не видевший Кронштадта и Тавриды,
Любовь похоронив, на сетованья скуп,
Не слышим у него ни жалоб, ни обиды.

Но вот он проскакал – и мука тут как тут,
И с новой присказкой, доселе небывалой:
Мол, розы в Барнете по-прежнему цветут,
Клинки у белой и клинки у алой.

О женской верности и доблести мужской
Цветы воинственные столько слов сказали,
Что стены белые краснеют на вокзале,
И пьян чертополох над гробовой доской.

* * *

Сидит под Александровой колонной
Чудовище мечты осуществленной.
Торчат клыки, несет из пасти серой.
Сидит, надеждой сытое и верой.
Песок до горизонта. Ни травинки.
У зверя на ресницах – ни слезинки.
Обрюзг стоокий Аргус, еле ходит,
Пигмей на поводке его выводит.
На свете – ни души. Земля пуста
И замкнуты небесные уста.

Не смей, не смей мечтать! Мечты сбываются –
Вот локти где начнешь кусать и каяться.

2005

* * *

Его, Филемон, ни с кем делить не возможно!
Мы атом членим – для мысли честь и отрада,
А в этой шкатулке всё составное – ложно.
Нет! Счастье – что дух: самой природы монада.

И боли твоей никто вполне не разделит,
Хотя б и старался бережно и упорно.
Чтоб лучший твой друг не стал вдруг что лютый
нелюдь,
Беги сердечной игры; она – иллюзорна.

1984–2005

* * *

Соседка бродит в переулке,
А рядом, плюшевый магнит,
Полдня прождавшая прогулки
Болонка в шлейке семенит.

Когда бечевка на пределе,
Подружки связаны тесней.
Одна из двух всегда при деле,
Другая тянется за ней.

Я всякий раз немного трушу
И заклинанья бормочу,
Свою выгуливая душу:
Всё кажется, что упущу.

Над этим телом виноватым,
Над черным лаком невских вод
Гомункулом замысловатым
Она спиральями плывет.

Над Латераном пролетела,
Над Лувром сделала виток.
С понятным страхом чует тело
Нематерьяльный поводок.

Полубезлюдный город гулок.
Назад торопится душа.
Хорош Кричевский переулок.
Соседка тоже хороша.

1982–2005

* * *

Работает, не покладая рук,
Из века в век, из часа в час. Минуты
Не отдохнет. Неведом ей досуг.
Все канут: смерды, Канты и Кануты.

Чуть свет Канут садится на коня,
Конца не чует, слез не утирает.
– Ты предан, князь! – Не слышит он меня.
– Не ездит! – Он уздечкою играет. –

Едва задумался – хозяйка тут.
Все доблести сдаются ей без бою.
Глядишь, уже Канута в гроб кладут.
На очереди Кант и мы с тобою.

Как убедительны ее труды,
Как выгодно от наших отличимы!
Они нетленны. В райские сады,
В небесные ведут Иерусалимы.

2005

* * *

Лаской прохладной живит
Воздух осенний,
Ясный, как отрок Давид
В час откровений.

Мятный сентябрь городской
Родиной обетованной
С неба низводит покой
Терпкий и пряный.

Ни на кого не сердит
Тот, кто живет, а не дышит, —
С облака в город глядит,
Видит и слышит.

В городе — яблочный хмель,
Жёлтой листвы карусели,
Школьная акварель,
В кляксах панели.

1977–2005

* * *

Сосредоточимся на несомненном.
Та жизнь, что с детства ужасом звалась,
В катастрофическом котле вселенном
Каким-то чудом всё же удалась.

Хорошего ничто не предвещало.
В язвительный, змеящийся вопрос
Свивались все концы и все начала.
Душа, как центрифуга, шла вразнос.

То одержимый бешенством священным,
То – словно нервов бьющийся комок,
Сосредоточиться на несомненном
Я не умел и не хотел: не мог.

Всё неопровержимей, всё упрямей
Затягивалась сущность пленой,
Покуда я в потенциальной яме
Сидел, прикован к мантии земной.

Но годы шли, и небо расчищалось.
Вернулась милая. Дракон уснул.
Великое пресуществовала малость.
Мне друг Гораций руку протянул.

Бессмысленное, подлое столетье
Перечеркнул мой клинописный штрих.
А вот и главное: на этом свете
Меня любили больше, чем других.

Хлебнул я вдосталь праздников смятенья
И убедился, свет исколеся:
Мой ангел, возвестивший наслажденья,
Не обманул. Счастливей быть нельзя.

* * *

Любить эту долю, которая снилась тебе,
Мечталась и грезилась где-то на севере диком,
А ту позабыть... Хорошо покориться судьбе,
Отдаться течению, излучинам века великим.

Воздушным потоком воскресшие души несет,
В пропащих – разбужено эхо небесным Гольфстримом.
Ты видишь цветущую землю с альпийских высот,
Один среди многих, в толпе оставаясь незримым.

Сопутствует редкое счастье тебе, фаталист,
Случайный избранник, над бездной окликнутый Пимен.
Вбирает пространства тобою исписанный лист.
Ты выбрал свободу – и видишь, что выбор взаимен.

1984–2005

СТАРО-НОВЫЙ ДИВАН
(1966–2006)

Я украл двенадцатую строчку,
Низкий вор, из своего дивана.

К-К

Две трети всего написанного мною – наброски. Те, кто возводил набросок в систему (Мандельштам, Модильяни), никогда не были для меня главными ориентирами. Мне хотелось завершенности. Одни наброски мучили меня годами, другие – десятилетиями. В прошлом – отвлскающих моментов было слишком много, приходилось служить чужим богам. Недавно (впервые в жизни) возникли у меня условия, при которых ничто больше не мешало сочинительству. Я почти освободился от бремени будущего – и некоторые наброски завершились сами собою. Оказалось, что я с легкостью погружаюсь в те состояния, в которых прозвучала основная нота стихотворений.

Есть тут и совсем недавние стихи. Станным образом они перекликаются с давними.

24 сентября 2006

СТУДЕНЧЕСКАЯ

На физ-мехе время не так течет
И пространство необыкновенное.
Звездочету завтра сдаем зачет.
Вам – пельменная, нам – вселенная!

Вдоволь выспался – жизнь свою проиграл.
Отмерцала Веспера реплика.
Как хорей, пленителен интеграл,
Как анапест – эллипсы Кеплера.

Покати шаром, притяженье тел.
Тяготей, сердец электричество!
Только вам бы век я служить хотел,
Уравнение, ваше величество!

Несложна любовь в девятнадцать лет,
Не из самых трудных задание:
Интеллект помножить на интеллект,
Поделить на квадрат расстояния.

1963–2006

* * *

Когда уходит та, кого любил,
На свете ничего не происходит.
Над крышами восходит хор светил.
Покинутый вбирает млечный пыл,
Глядит на Орион, глаза отводит,
И думает: я был... я тоже был.

1970–2002

* * *

Ты улыбаешься не мне
На полувнятном снимке,
По голень в ласковой волне,
Вся в отблесках и дымке.

Так по-девчоночьи стройна
В купальнике дешевом,
Ты загорела, ты полна
Таинственным и новым.

Всё, чем прекрасен этот мир
В венце неповторимом,
Вобрал пылающий эфир
Твоих небес над Крымом.

Всё, чем ужасна жизнь моя
Под этим небосводом,
И рядом не поставлю я
С тем судьбоносным годом.

Души пропащей не спасут
Ни четьи, ни минеи.
Ни смертный час, ни страшный суд
Не будут мне страшнее.

Тот, кто наводит объектив,
Заворожен тобою,
Давно уж мертв, а если жив,
То обойден судьбою.

А кто насытил пустоту
Любовью изначальной,
Подменит мне улыбку ту
Усмешкой этернальной.

Всё можно высветлить, назвать
И тем заклясть ошибки,
Но не переадресовать
Счастливой той улыбки.

1970–2001

* * *

Видно, что ветренный день. Шарфик и воротник
Мягкой вздуты волной. Ветер в хвое шумит.
Снимок вышел хорош. Щелкает мой двойник,
А ты всегда хороша, милая Шуламит.

Чудно мне, что не всем прелесть твоя видна.
Горько мне: этот миг нужно делить с другим.
Нет, улыбка не лжет: так прекрасна она!
Только на близких мы, счастьем полнясь, глядим.

1970–2006

* * *

Сирокко, мистраль, урикан, суховой,
Бандиты-ветра благородных кровей,
Не мешкайте, станьте подспорьем
Над горем, над ласковым горем.

Пусть черное горе качает ладью,
Фелуку убогую, муку мою.
Раскинулось горе широко.
Над ним куролесит сирокко.

Ты, Брут Пиренеев, товарищ мистраль,
Мне в сердце вонзаешь стальную спираль.
Ты – смерти недолгой податель.
Спасибо за помощь, приятель.

Как ловко пловцу ты расставил капкан,
Карибский пират, островной урикан.
Бушует бескрайнее горе.
На дыбу ведет Лукоморье.

Заносчивый пахарь каспийских пустынь,
Мети, суховой, не устань, не остынь.
Что делаешь, делай скорее.
Нам вместе качаться на рее.

1970–2002

* * *

Держать в объятьях одну, а любить другую –
Ты этому учишь нас, чародей и плут?
Нет, только одну люблю и одну ревную
И только ради одной задержался тут.

Немеркнувшие в душе берегу я снимки:
Вот здесь она моя, а здесь не моя.
Вот невский берег, Таврида в закатной дымке,
А вот грядущие берега и края.

Со всеми, кому она открыла объятья,
Я в кровном родстве. Отстать от них не могу.
Одной дорогой идут Арджуна и братья –
И бога вместе встречают на берегу.

Вернее термодинамики не бывает:
Любовь питается ревностью – и сыта,
Лишь влага в стакане явственно убывает.
Проста игра твоя, Господи. Жизнь проста.

1970–2001

* * *

Вживаюсь в новый облик твой,
А тот, невозвратимый,
Плывет, оплаканный листвою,
Над пляжами, над мостовой,
И утро полнит синевою
Утраченную тень любимой.

Что ж, буду впредь любить двоих:
И ту, что удержала тело
Для новых горестей земных
И диких вывертов моих,
И ту, что отлетела.

Силен классический сюжет.
Вторично в недра ходу нет.
Кого б ни вывел он из штолен,
Не может уберечь трофей
Несостоявшийся Орфей,
Бессилен и безволен.

И тень плывет по склону, вниз,
Туда, где дремлет кипарис
Знаменьем вечности и веры,
И дальше, по волнам, за мыс,
В морскую ширь, на Симеиз,
Под сердоликовый карниз
Пещеры.

1970–2001

ОСЕНЬ

Исчерпан Рим
Стихом державным.
Поговорим,
Но не о главном.

Закат горит.
Крадутся тени.
Покой парит
Среди растений.

Стоит скамья.
Бежит тропинка.
Вот ты. Вот я.
А вот осинка.

Изгоям жаль
Былого звука.
Стоит печаль.
Глядит разлука.

Слова нужны,
Хотя и тщетны,
Едва слышны.
Ветхозаветны.

Вот луч зажёт
Металл застёжки
И ремешок
На босоножке.

Сам Бог, как Бах,
Стыдись не очень,
На мелочах
Сосредоточен.

* * *

Время с цепи сорвалось.
На два печальных сугроба
Утро в постель пролилось
Зябкое, точно хвороба.
Солнцу неважно спалось.
Меркнут трапеции, чтобы
Парой настенных полос
Вновь появиться для пробы.
Тайна, печаль и вина –
Тонкая, как седина
Ночи алмазная сутра –
Выветрилась, не видна.
Милая, как ты бледна!
Что тебе снилось под утро?

1971–2006

* * *

Меня провожает мама
Из дома в школу. Идем
По улице Мандельштама,
Минуя за домом дом.

Дома хороши и строги,
Сияет апрельский день,
Но тень бредет по дороге —
Я знаю, чья это тень.

Старик, я бреду упрямо,
Взахлеб нахлебавшись бед,
По улице Мандельштама,
Которой на свете нет.

1971–2006

* * *

Мои американские друзья,
Боюсь, не знают твердо, жив ли я.
Развеществовалась наша переписка.
Нарушены воздушные пути.
Гольфстрима вброд письму не перейти.
Прощай, Нью-Йорк! Не сетуй, Сан-Франциско!

В небесную Америку влюблен,
В идею, может статья, в теорему,
Кому пишу, удерживая стон?
Не вам, счастливцы. Прямо дяде Сэму.

Америка! Отверженных мечта,
Надежда пучеглазая свободы,
Читающая будущность с листа,
Обнявшая наречья и народы...
Америка, я – пасынок земли,
Всё у меня украли, что могли,
Божась серпом и молотом воздетым.
Я – висельник, но вынут из петли
Простым кивком, одним твоим приветом.

Мне не видать тебя, не убежать.
Сожрет свинья, развеществит стихия.
Моё дитя швырнут к ногам Батыя.
Мой самый прах захочет удержать
Себя и всех предавшая Россия.

1976–2006

* * *

Я вспоминаю иногда
(Хотя и память – плод запретный),
Как поздней юности звезда
Вела мелодией заветной.

Не страшен голод и погром
При этом сладостном напеве,
Но мы – проглочены живьем,
Полмира у кита во чреве.

Подошвой Млечный Путь закрыт.
Скопцы построены в колонны.
Сизиф Сизифу говорит:
– Нас миллионы, миллионы!

Я вспоминаю иногда,
Как если б счастье возвратилось,
Минуты вольного труда,
Судьбы неслыханную милость.

1976–2006

* * *

Милая, сине-зеленый
Вижу огонь вдалеке.
Это трамвай отдаленный
К дому бежит налегке.

Стыд, униженье и горе –
Вот что я вижу вдали.
Видишь ты – синее море,
Южную зелень в пыли.

Пламя уже облизало
Мокнущей площади щит.
Нам повезёт у вокзала:
Нас – подберет и помчит.

Рядом на заднем сиденьи
Сядем в рыдване пустом,
Веря, что это – везенье,
Каждый – с мечтой о своём.

1977–2005

* * *

Я свободен, свободен:
Не боюсь, не хочу.
Над огнем преисподен,
Улыбаясь, лечу.

Над обидой и скверной,
Над природой людской.
Не всплакну над Шпалерной,
Не вздохну над Ланской.

Ради мушки нательной
Не тружусь, не корплю.
Я над братской котельной
Совершаю петлю.

Недоступен недугу
Чести и правоты,
Изменившему другу
Улыбнусь с высоты.

Той звезды, что питала
Давний сестринский пыл,
На востоке не стало.
Не люблю. Не любил.

Точно ангел Господень,
Я не ведаю тьмы:
Ни народов, ни родин,
Ни сумы, ни тюрьмы.

Не всплакну над Удельной,
Не храню амулет.
В синеве запредельной –
Ни соблазнов, ни лет.

Здесь не поздно, не рано,
Ни тоски, ни стыда.
Здесь нирвана, нирвана.
Здесь настало Всегда.

1977–2005

* * *

Как Максвелла демон, калитку
Откроешь ты тем, кто резвей.
И славно! Ко мне-недобитку
Последнюю слабость развей.

Прощай, повзрослевшая муза!
Спасибо за известь в крови.
Не нужно такого союза.
Уж лучше совсем без любви.

Лови горячительный атом,
Счастливицу билет пристегни,
Останься драконом крылатым –
И зря чужака не дразни.

С горячностью замоскворецкой
Прохлада моя не в ладу.
Не нужен мне берег советский,
Оставь меня в Летнем саду.

Люблю мою долгую муку
И совесть больную мою.
Отпраздную нашу разлуку.
Слезы по тебе не пролью.

1977–2005

* * *

Галс невыгодный выбран: крутой бейдевинд,
Под форштевнем – оскаленный риф.
Нас швыряет, в щепы разнести норовит
Человеколюбивый пролив.

Хлещет, бьёт, завывает. Сорвало бизань.
В яму носом, над – мачтой земля.
Вот, приятель, и мера тебе: капитань!
Кровь утри да не трусь у руля.

Ты хотел этих радостей? На, получай
И не сетуй, других не вини.
Бог к таким благосклонен. Добавит на чай,
Если выгребешь из западни.

Одержимый удачлив. Пусть самообман
На минуту оставит его –
И не тронутся с места Колумб и Брандан,
И твоё сумасбродство мертво.

1978–2005

У МУЗЕЯ ДЗЕРЖИНСКОГО

Времени изуверского
Зов живет в ротозее.
Учимся, делать смерть с кого,
Мы у музы – в музее.
С крылышками! Любите ее!
Тут вам не древняя гречка,
А муза кровопролития –
Да русскому Молоху свечка.

1978–2005

* * *

Не учи меня жить, я и сам не умею,
Не могу в этом мире найтись.
Все понятия сдвинуты, даром старею,
Между адом и гадом повис.

Всё застыло. Ни воздуха, ни небосвода.
Шар земной на провисшей орбите застыл.
Остудил стеариновый разум народа
Мелкий бог Стаднилл.

Нету места мне тут – и тебе не найдется.
Чтоб никто не влюблялся, не думал, не жил,
Он младенца скелет в пересохшем колодце
Обнажил.

1978 – 2006

* * *

Много жизней прозаику нужно прожить.
Скописердствуй, хозяин, живи!
Размотай в лабиринте суровую нить –
Ведь и нам не хватает любви.

Можешь в старость героя отправить, в бедлам,
В Вифлеем, в кошкин дом, хоть куда.
Тут и плачь за двоих. Со слезой пополам
Над любимой очнется звезда.

Ты в меня воплотись, напиши обо мне:
Как я жалок и немощен был,
Как обиду мою выводил на ремне
И водой Флегетона поил.

Ты талантлив. Сумеешь тоску обмануть
В колесе мировой чепухи.
А поэтом – не станешь. Об этом забудь,
Хоть и чудные пишешь стихи.

1978–2005

* * *

Освобождался от страстей –
И видел свет в окне;
Искал отеческих вестей
В душевной глубине;
Шептал: грехи, а не стихи
Подогревает страсть;
Винил в неловкостях строки
Надчувственную власть;
Лишь точной рифмы вещество
Впускать решался в кровь;
Договорился до того,
Что мысль – и есть любовь;
Шальной идеей ослеплен,
Сражаясь до седины,
Остановить Армагеддон
Надеялся один;
Адмиралтейская игла
Ему иглой была...
Шекспира гнал и Бога звал,
В слезах на чудо уповал –
И тут она вошла...

1979–2006

ПЕРЕД КОНЦОМ**1**

Россия... Да точно ли было?!
Густеет отчества дым.
Шагает убойная сила
По стогнам и весям твоим.

Последнюю стать напрягает
Саркомой разъятая плоть
Все темные силы шагают
Тобою... Не с ними ль Господь?

2

Не золото, другой металл –
Пошлейшая из всех комедий.
Строчи, Мефисто: я устал
От звона православной меди.

Устал, и русским быть стыжусь.
Возьми глаза ее пустые.
Под чем угодно подпишусь,
А только это – не Россия.

1980–2005

* * *

Народ поумнеет, поймет,
Опомнится. Он ведь Народ!
Недаром о нем говорят,
Что он – вдохновенья субстрат,
Родник нескудеющих вод...
Да жив ли он, этот народ?

1983–2005

* * *

Тем начат век серебряный, а этим –
Век бронзовый. Есть бр! и тут, и там.
А мы оставим режиссуру детям.
Нам эти шалости не по летам.
Резвитесь, милые, в литературных
Трагических личинах, на котурнах!
А мы подмосткам предпочтем суму.
Нам серебро и бронза – ни к чему.

1985–2005

* * *

Не любовницы девичий пыл,
Он отчизну чужую любил –
И уехал, мечтой окрыленный,
Ей же берег оставил иной,
Омываемый нежной волной
Дактилической, неуголенной.

Он уехал – и призрак возник.
Всякий раз зажигая ночник,
Видит девушка: тень пробегает
Меж холстов, табуреток и книг
И с оглядкой к трюмо приникает.

Там, в аквариуме, среда,
Всколыхнувшись, стекло омывает,
От пробоины в трюме вода
Средиземная прибывает.
Ночь проходит. Проходят года.

Успокаивается лишь днем
Взбаламученный зеркала омут.
И она вспоминает о нем,
А слезу экономит.
Днем, когда просветлел небосвод,
У мольберта она напевает:
– За морями синица живет,
Там тепло и забот не бывает.

1987–2005

* * *

Харита строгая нашептывает мне
О стройности былой – и хмурится некстати:
– Не слушай никого, живи по старине
И помни, помни об утрате...

Дорожка млечная бежит от маяка
К ногам ее босым, дрожит ее рука,
Весь облик милой хрупок, астеничен.
Харита нежная осунулась слегка.
Ей местный климат непривычен.

Харита строгая – и речь ее странна:
– Не наши пажити, не наши времена!
На встречах не гляди. Твой век расчеловечен,
Боязную высоты и подлостью отмечен.
Сестренка бывшая – хозяйкой на пиру.
Там перси пышные, там любят мишуру,
У этой кумушки – семь пятниц на неделе.
Так неразборчива! Вот завтра я умру,
Останешься один, без ласки, без свирели.
Прощай, люби мою сестру.
Приноровиться не смогла я...

А я нашептываю ей в ответ:
– Мы вместе навсегда, не страшен суд планет.
Твоя сестрица – скука злая.
Мне до сегодняшнего дела нет.
Ты – Евфросина, не Аглая.

1988–2005

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА

Невскую Лавру, святые места,
Бес обезличил.
Нет над могилою деда креста.
Он большевичил.

Бес надоумит, а Бог разрешит.
Место им впору.
Парочка, крепко набравшись, спешит
В Лавру, к собору.

Можно подумать, густая толпа
Здесь обитает:
Именно к этой могиле тропа
Не зарастает.

Фёдор Иванович останется глух,
Слова не скажет,
Если над ним здоровенный лопух
С милочкой ляжет.

Всяческой дед повидал суеты,
Можно ручаться.
Жалостна участь растленной четы –
Пусть причастятся.

Некогда в небе ловить журавля.
Время жестоко.
Пусть на минуту им пухом земля
Станет до срока.

Кладбища, точно, открыты для всех,
Этим и милы.
Нету перины для плотских утех
Мягче могилы.

* * *

На языке эфталитов
Муку мою назову –
Чтобы никто не услышал
И догадаться не мог.

Схлынуло царство земное,
Словно и не было нас.
На языке эфталитов
Счастьем его назову.

Там, за вратами Дербента,
Хищная зависть кипит.
Не таковы эфталитов
Доблестные сыновья.

За несказанную правду
(нет языка для нее),
За безнадежное дело –
Бьются они до конца.

Схлынуло царство земное.
Помнят народы одно:
Женщины у эфталитов
Были в особой чести.

2005

ЭПИТАФИЯ

Литературный поденщик, писавший стихи,
Много воинственной нагородил чепухи.
Был он, к тому же, немножко Иуда и Брут.
Вдоволь потешатся люди. Но тоже помрут.

2005

* * *

Есть неосуществимая мечта,
Видом неотличимая от тщеты.
Мир и его соблазны пред ней – тщета.
Имя ей – местоименье простое: ты.

Жизни мне этой с гулькин осталось нос.
Если б сбылась, о большей бы не просил.
Выход – прост и ужасен. Ужасно-прост.
Переломить соломинку нету сил.

Есть такая соломинка у судьбы
Траченной обездоленной голытьбы:
Правда перелопачивается в ложь.
Переломи соломинку – и убьешь.

? – 2006

* * *

Влюбленные играют в поддавки.
Счастливики! Им никого не надо.
Гуляют у кладбищенской реки,
Где смотрит в реку ржавая ограда.

Бессмертному чужая смерть легка.
Их умиляют старые могилы,
Над ними неподвижны облака
И вечный день стоит, как Фермопилы.

2006

* * *

Умер Саша Незлобин, мне говорят,
Но поверить я не могу.
Чуть не сорок расстались мы лет назад,
Не дружа, шутя, на бегу.

Собирались Урании мы служить,
Да не мы пришли ко двору.
Умер старый приятель. Нужно спешить,
Потому что и я умру.

Не щадить себя, не жалеть труда,
Отыграть у судьбы ферзя.
Или, может, не надо спешить. Туда,
Где он жив, опоздать нельзя.

Некрасив мальчишка был, большерот,
Даровит, лукав, незлобив.
Вот сейчас вприпрыжку он в класс войдет,
Улыбнется, про смерть забыв.

Нет, спешить не буду. Его найду,
Там, откуда смерть не видна:
На четвертой парте в третьем ряду,
У обшарпанного окна.

И еще – студенчества круговерть
Нам дала хозяйка взаймы.
Что за вздор болтают! Какая смерть?
Всё досрочно сдавали мы.

А теперь вот смерть подружила нас,
Лишь приятельствовавших тут.
Он придет как друг в мой последний час,
Скажет: – Вася, не трусь! Там ждут.

МУДРЫЙ НЬЯЛЬ

Молодые рвутся убивать.
Кровь их радует и скрежет стали.
Властвовать хотят, повелевать.
Со времен Адама убивали.
Гордостью изводится храбрец,
Чести домогается и славы.
Скальд возложит на него венец,
Вечность увенчает путь кровавый.
Скальд и сам отвагою горит,
Поединка требует, отмщенья.
Странно: ничего не говорит
И ему его воображенья.
На исландском вольном берегу,
С детства брани превзойдя науку,
В схватке закадычному врагу
Ногу отсекает или руку.
Просит витязь, бронзовый на треть,
И сказитель, мраморный по пояс:
– Дайте мне красиво умереть!
Ни о чем другом не беспокоюсь!
А старик предпочитает жить.
Ржавчина его секиру съела.
Жить и жить, и жизнью дорожить,
Ублажать разбуженное тело.
– Вечность – погремушка детворы, –
Скажет Ньяль. – Мальчишки непослушны:
По неразумению храбры,
От неведенья великодушны. –
Ты его от подвигов уволь.
Он-то видит: не войдет калека
В храм веков. Не смерть, а срам и боль
В нас уничтожают человека.

* * *

Обожгу горшок, напишу стишок,
Оторвусь от земли на вершок.
Миллиарды лет мать пуста земля
Мне готовила посошок.
Километры вглубь мать скупа земля,
Накопляла, мгновенья для,
Глинозём земли, ко грешку грешок,
Птеродактиля, мотыля.
И на месте том, где увял стишок,
Над родным языком
Шевеля плавником,
Вырастет артишок... art-и-shock.

2006

* * *

Вот Гамлет. Он уцелел и стал королем.
Жива и Офелия. Мы слезы не прольем –
Ну, разве от счастья: сейчас влюбленных поженим.
Конец страстям и прочим пустым движеньям.
Ничто не подгнило в Дании. Сыт народ.
Монарх ученый шкуры с нас не дерет.
Убийца – на Темзе, в одной из дальних колоний.
Гертруда – в монастыре. Сияет Полоний.
Пасутся овцы. Всюду мир и прогресс.
У Фортенбраса гнев на Польшу исчез.
Горацию дали в Эльсиноре квартиру –
И нечем, нечем нас огорчить Шекспиру.
Воображала чуши нагородил,
Высокомерной ереси угодил.

2006

* * *

Нарисуй для меня скворца.
Я хотел бы жить со скворцом,
Отвернуться от подлеца,
Повернуться к скворцу лицом.

Отвратителен мне Творец,
Хоть и знаю, что нет его.
Предпочтителен мне скворец,
Несомненное существо.

Дотянуть хочу до конца
Без свинчатки и без свинца,
Повернуться к стене, уснуть,
И во сне увидеть скворца.

2006

ФАРИСЕЙ

Свергнуто иго будущего. Ура.
Больше не нужно умным и добрым быть.
Все мои доблести, евшие хлеб вчера,
Стали песней, не просят ни есть, ни пить.

Сброшен давний, с детства томивший гнет.
Сдох дракон, пожравший лучшие дни.
С прошлым – прежняя боль: нет-нет, да лягнет,
А будущему – копейки не дам. Ни-ни.

Истово, рьяно идолу я служил,
Бил поклоны, постился, сил не жалел,
Ну, и довольно. Схлынули хворь и пыл.
Переболел я корью, переболел.

2006

* * *

Вдумчивый ребенок книгу прочтет,
Книгу прочтет и что-то поймет.

Вдумчивый ребенок рождается на свет,
Вырастет ученый, мыслитель, поэт.

Этим же неслышен волшебный хор,
Зависть и амбиции застыт взор.

Эти же собою поглощены,
Заживо в обидах погребены.

2006

ДРУГИЕ КНИГИ ЮРИЯ КОЛКЕРА

- Юрий Колкер. *Ветилуя*. Стихи, написанные в Англии. *Геликон-плюс*, СПб, 2000.
- Юрий Колкер. *Завет и тяжба*. Стихи 1982–93. Издательство *Советский писатель*, СПб, 1993.
- Юрий Колкер. *Далека в человечестве*. Стихи 1974–80. *Слово*, М., 1991.
- Юрий Колкер. *Антивенек*. Сонеты. *Персефона*, Иерусалим, 1987.
- Юрий Колкер. *Послесловие*. Стихи 1972–78. *Лексикон*, Иерусалим, 1985.

(редактура и переводы)

- Владислав Ходасевич. Собрание стихов в двух томах. (Составление,) редакция и примечания **Юрия Колкера**. *La Presse Libre*, Paris, 1982–83.
- Лорд Актон. *Очерки становления свободы*. Перевод **Юрия Колкера**, под ред. А.Баби́ча. *Overseas Publications Interchange Ltd.*, London, 1992.
- Ф. А. Хайек. *Общество свободных*. Перевод Александра Кустарёва. Под редакцией **Юрия Колкера**. *Overseas Publications Interchange Ltd.*, London, 1990.
- Йохан Хейзинга. *Об исторических жизненных идеалах*. Перевод И.Михайловой, под редакцией **Юрия Колкера**. *Overseas Publications Interchange Ltd.*, London, 1992.
- Еврейский Самиздат, том 27. *Ленинградский еврейский альманах*, вып. 5–8, под редакцией **Юрия Колкера**. Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, Иерусалим, 1988.
- Еврейский Самиздат, том 26. *Ленинградский еврейский альманах*, вып. 1–4, под редакцией **Юрия Колкера**. Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, Иерусалим, 1988.
- Йосеф Недава. *Вечный комиссар*. Перевод Б. Таубина. Литературная обработка перевода, исправления и добавления **Юрия Колкера**. Книготороварищество *Москва-Иерусалим*, Тель-Авив, 1989.
- Лондон. Путеводитель. Составитель Майк Липмен. Перевод **Юрия Колкера** и Татьяны Костиной. *Dorling Kindersley*. Лондон, Нью-Йорк, Штутгарт, Москва. 1998.

Ю

Юрий Колкер родился в 1946 году в Ленинграде, стихи пишет с 1952 года, публикуется с 1972 года. С 1980 года участвовал в самиздате. С 1984 года – в эмиграции. Работал в Иерусалимском университете и на Русской службе Би-Би-Си в Лондоне. Выпустил пять книг стихов и несколько книг как редактор и переводчик. Пишет критику, очерки, воспоминания, рассказы. Член союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в Лондоне.